

УДК 623.4:327:94(540+549)

В. В. Лозова

студентка 5 курса отделения международных отношений
Института социальных наук

Одесского национального университета имени И. И. Мечникова
к. 32, Французский бул., 24/26, г. Одесса, 65058, Украина
тел.: +38 (0482) 63–32–59, e-mail: lozovaleriia@gmail.com

**ЯДЕРНЫЕ ПРОГРАММЫ ИНДИИ И ПАКИСТАНА:
«ЭФФЕКТ ДОМИНО» ИЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЖИМА
НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ?**

В статье анализируется необходимость в поиске выхода из сложившейся в режиме нераспространения кризисной ситуации с существованием де-факто обладателей ядерного оружия вне «ядерной пятерки», закрепленной ДНЯО. А также подчеркивается целесообразность изучения мотивов, подталкивающих страны к обретению и сохранению ядерного статуса для разработки новых идей в сфере нераспространения. По итогам исследования можно сказать, что между Индией и Пакистаном была создана первая региональная система ядерного сдерживания. А Индия, в свою очередь, является, на наш взгляд, наиболее интересным примером в качестве потенциального пионера новой архитектуры ядерного нераспространения.

Ключевые слова: режим нераспространения, индо-пакистанский конфликт, Кашмир, ядерные программы, ДНЯО.

Проблемы в отношениях Индии и Пакистана начались в связи со спорами вокруг присоединения к ним некоторых княжеств в процессе разделения Британской Индии. Первая индо-пакистанская война 1947–1948 годов была вызвана решением Махараджи Кашмира о присоединении к Индии, несмотря на то, что большинство населения исторической провинции составляли мусульмане. Результатом этой войны стало перемирие, по условиям которого примерно 60 % Кашмира перешло к Индии, оставшаяся часть — к Пакистану. В регионе силами ООН была установлена буферная зона и проведена временная демаркационная линия [1, с. 171; 2, с. 68].

Ситуация осложнялась соперничеством глобальных сверхдержав (США и СССР), которые были заинтересованы в союзниках в южноазиатском регионе. Пакистан заключил военное соглашение с США, а Индия развивала торговые и культурные контакты с СССР. Таким образом, кашмирский конфликт превратился в еще один фронт «холодной войны».

Со временем паритет сил в регионе Кашмир несколько изменился. Связано это с вмешательством в конфликт третьей стороны — Китая. К концу 1950-х Пекин стал претендовать на лидерство в рядах молодых освободившихся стран. Но на ту же роль претендовала и Индия. Она обладала в международном сообществе более обширными связями и, в отличие от КНР, была представлена в ООН. Ее признавали как западные, так и со-

диалистические страны. Пекин видел в Индии конкурента. Это негативно сказалось на атмосфере китайско-индийских отношений.

С лета 1959 г. начались китайско-индийские вооруженные столкновения. Конфликт получил продолжение в 1962 г. В ходе кампании Китай оккупировал плато Аксай-чин и захватил практически всю территорию, на которую претендовал [2, с. 75–77]. Поскольку плато относилось к числу тех районов исторического «большого Кашмира», на которые претендовал Пакистан, китайские власти предприняли хитрый дипломатический маневр для его закрепления за КНР. 2 марта 1963 г. Китай и Пакистан подписали соглашение о линии прохождения китайско-пакистанской границы таким образом, как если бы Китай признавал Аксай-чин частью территории не Индии, а Пакистана, а Пакистан соглашался на переход этого плато под суверенитет КНР. Это объективно определяло ориентацию КНР на оказание поддержки Пакистану в его противостоянии с Индией [3, с. 155].

Следующее открытое столкновение в Кашмире произошло в августе — сентябре 1965 года. Война продолжалась в течение месяца и закончилась после принятия соответствующей резолюции ООН и при посредничестве СССР, фактически «вничью». Впрочем, этот факт не помешал ни Пакистану, ни Индии объявить об успехах своей армии [2, с. 90].

Третий конфликт, произошедший в 1971 году, формально не был связан с Кашмиром, но без сомнения сам факт противоречий и наличия спорных территорий между странами сыграл здесь немаловажную роль. Война 1971 года стала самым крупным индо-пакистанским конфликтом. Связана она была с борьбой за независимость Восточной провинции Пакистана. Буквально за две недели войска Западного Пакистана оказались блокированы и были вынуждены подписать капитуляцию. 26 марта 1971 г. гражданская война закончилась победой восточнобенгальцев и провозглашением суверенной республики Бангладеш, а Пакистан на некоторое время отказался от открытых вооруженных конфликтов с Индией [2, с. 92]. Большую роль в этом сыграли действия индийской армии. Создание нового независимого государства было поддержано ООН и мировым сообществом.

После подписания соглашения с Индией в г. Симла в 1972 году, помимо отношений с Китаем, Пакистан пытался компенсировать свои территориальные и людские потери сближением с богатыми и влиятельными арабскими странами, а после введения советских войск в Афганистан — укреплением военно-политического сотрудничества с Западом, особенно с Соединенными Штатами. Вашингтон видел в Пакистане свою главную опору в противодействии советским попыткам усилить свое влияние на Среднем Востоке и в Западноазиатском регионе [4, с. 147].

Таким образом, Кашмир оказался разделенным между тремя государствами, два из которых (Индия и Пакистан) владеют большей его частью и конституционно закрепили свои права на территорию, управляемую своим соседом. А итоги войны 1971 года показали слабость Пакистана, что стало серьезным ударом, поскольку он полностью лишился своей восточной половины. Как со стороны Индии, так и со стороны Пакистана происходит

стимулирование сепаратистских движений в недоступных им частях Кашмира. Особую активность в этом проявляет Пакистан.

История становления ядерных программ Индии и Пакистана свидетельствует о том, что обе оружейные программы в этих государствах начинались с мирных проектов при содействии многих влиятельных стран мира (США, СССР, Канады, Франции и т. д.).

Еще в 50-х годах Индия первой выступила за прекращение испытаний ядерного оружия, но призывы первого индийского премьер-министра Джавахарлала Неру не были услышаны [5, с. 150; 6, с. 12]. А попытки получить международные гарантии безопасности не увенчались успехом [7, с. 164].

Как следствие, было принято решение о создании в Индии ЯО в 1972 году премьер-министром Индирой Ганди, благодаря чему в условиях кризиса авторитет ИНК существенно увеличился [7, с. 165; 8, с. 165]. Оно было спровоцировано неудачным исходом войны с Китаем в 1962 году и первым китайским ядерным испытанием в 1964 году [7, с. 164; 10; 11, с. 141–142]. К тому же, как свидетельствует научный доклад о ядерной энергетической программе Индии [12], уже к 1964 году у нее был потенциал для создания ядерного оружия. Кроме того, амбиции Индийского руководства, которое, по аналогии с Китаем, претендовало на место постоянного члена Совета безопасности ООН и на роль лидера движения неприсоединения, способствовали демонстрации силы путем обретения ядерного оружия [17, с. 166; 7, с. 164].

Первое ядерное испытание Индии было произведено в штате Раджастхан (в непосредственной близости от границ с Пакистаном) на полигоне Покхран в пустыне Тар. 18 мая 1974 года было подорвано ЯВУ, получившее название «Улыбающийся Будда». Взрыв был назван мирным — то есть совершенным в научных или промышленных целях. Однако эксперты склоняются к тому, что он был проведен исключительно в интересах военной ядерной программы [9, с. 178]. Была осуществлена демонстрация ядерных возможностей Индии, что, безусловно, можно рассматривать в качестве политического хода. Случившееся встретило крайне отрицательную реакцию в мире, в течение 1978 года США, Канада и Франция прекратили сотрудничество с Индией в области мирного атома.

Как считает американский исследователь Леонард Спектор, Индия не ставила в 60–70-е годы себе за цель создание мощного ядерного арсенала, который уравнивал бы китайский, сделав упор на «минимальное сдерживание». Лишь в 80-х годах эта позиция начинает меняться под влиянием не только возрастающего потенциала КНР, но и интенсивного наращивания ядерных возможностей Пакистана [7, с. 166]. Но основным решающим фактором все же стало давление со стороны США и Конференции по разоружению в Женеве, где проходили переговоры по ДВЗЯИ, поставившие Индию перед вопросом «сейчас или никогда» [8, с. 166]. В итоге в 1998 году были осуществлены испытания ядерного оружия там же, где и в 1974 году — на Покхране.

Ядерная программа Пакистана была начата в рамках реализации американо-пакистанского соглашения о сотрудничестве в отрасли ядерной

енергии, подписанного в 1954 году после провозглашения администрацией Дуайта Эйзенхауэра политики «Атом ради мира» [7, с. 168; 14, с. 29].

Известие об индийских испытаниях в 1974 году само по себе произвело эффект разорвавшейся бомбы. Реакция Пакистана, который уже не мог чувствовать себя в безопасности, была еще более негативной, чем у мировой общественности. Как следствие, в ответ на индийскую возникает пакистанская военная ядерная программа. Хотя неизбежность создания индийской бомбы для лидеров Пакистана была понятна несколько раньше, чем произошло испытание «Улыбающегося Будды».

В 1972 году Премьер-министр Пакистана Зульфикар Али Бхутто ставит перед своими учеными задачу по разработке «исламской бомбы». Тезис об «исламской бомбе», которая рассматривалась как нечто принадлежащее всей умме, активно использовался Пакистаном в пропагандистских целях, а также как способ получения «исламских» финансовых средств на государственном и частном уровнях [15, с. 17]. Такое решение было принято во многом под влиянием сокрушительного поражения пакистанской армии в войне 1971 года [16, с. 101]. Кроме того, ее началу способствовало существенное преобладание Индии в конвенциональных вооружениях [16, с. 100].

Пакистан зачастую использовал нелегальные каналы для приобретения материалов и технологий. Однако в 1980-х эффективному давлению Соединенных Штатов на Пакистан мешала их заинтересованность в тесном сотрудничестве с Исламабадом по афганскому вопросу. Но после вывода советских войск из Афганистана в феврале 1989 года и улучшения отношений между Западом и Востоком значение такого сотрудничества было обесценено [7, с. 170].

В 1986 году президент Пакистана Зия-уль-Хак предоставил Дели информацию к размышлению, выдвинув предложения о разоружении под угрозой создания ЯО. Но камнем преткновения стало нежелание динамично развивающейся Индии присоединиться к ДНЯО на дискриминационных, по ее мнению, условиях — в качестве безъядерной державы, признавая монополию пятерки. Удалось подписать только соглашение о взаимном отказе от нападения на ядерные объекты в 1988 году [7, с. 171].

На индийские испытания 1998 года Пакистан отреагировал собственными ядерными испытаниями незамедлительно, доказав тем самым, что к тому моменту имел несколько ядерных устройств в собранном виде.

Май 1998 года стал моментом значительной важности не только для Южной Азии, но и для всего мира в целом. Вопрос юридического статуса Индии и Пакистана как стран, обладающих ЯО, тесно увязывается с проблематикой сотрудничества с ними в сфере мирного использования атомной энергии. Логика, которой руководствовалась Группа ядерных поставщиков, вводя санкции на поставки чувствительных материалов и технологий Индии и Пакистану после проведения ими ядерных испытаний, раскрывается легко. Чем больше государство потратит ресурсов на развитие гражданской атомной индустрии, тем меньше останется ему для создания ядерного оружия [16, с. 98].

Однако прошедшие годы показали, что санкции могут только замедлить, но не остановить развитие ядерного оружия и средств доставки в Индии. Санкции породили желание Индии стать самодостаточной страной в ядерной сфере, опираясь на собственное сырье, технологии и оборудование индийского производства. Таким образом, в долгосрочной перспективе отчасти это лишило инструментов влияния и даже информации о развитии индийской программы. Как Индия, так и Пакистан стали прилагать усилия по созданию дополнительных собственных мощностей ядерного топливного цикла, включая обогащение урана и переработку отработавшего ядерного топлива.

Южная Азия, с её огромным населением, динамично развивающейся экономикой и крайним дефицитом электроэнергии, представляет собой крупнейший мировой рынок поставок атомных реакторов и другой атомноэнергетической продукции. В этом случае государства, отказываясь от сотрудничества, лишают себя огромной прибыли. Таким образом, США вынуждены были постепенно ослабить режим санкций [7, с. 179].

Американский курс по отношению к Индии в целом поддерживается Францией, Великобританией и Россией — т. е. теми государствами, которые сами рассчитывают получить немалую экономическую выгоду от возможного расширения сотрудничества с Индией в ядерной области. Надо заметить, что в течение 2005 года Франция, Великобритания и Канада приняли совместные с Индией заявления о снятии ограничений на поставки Дели продукции двойного назначения.

Относительно Индии США специальной поправкой Генри Хайда в 2006 году отменили санкции и подписали соглашение с этой страной в области мирного использования ядерной энергии и инициировали в 2008 году снятие в рамках Группы ядерных поставщиков ограничений на передачи в Индию ядерных материалов и технологий. Индийцы взамен обещали принять ряд мер, которые способствовали бы «подтягиванию» Дели к режиму нераспространения — заняться разграничением военного и гражданского секторов своей ядерной инфраструктуры и постановкой мирных ядерных объектов под гарантии МАГАТЭ, развивать систему экспортного контроля, максимально приближая её к требованиям, существующим в государствах — членах ГЯП, продолжать соблюдать мораторий на ядерные испытания. Свои обязательства Индия усердно выполняет. Соглашение, фактически, впервые подчеркнуло разницу между «дисциплинированными» (Индия, Израиль) и «недисциплинированными» (Ливия, Ирак, Иран) участниками процесса [16, с. 99].

В качестве одного из главных доводов в пользу «подтягивания» Индии к режиму нераспространения используется то, что территория Индии никогда не была источником утечек чувствительных ядерных материалов. В случае же с Пакистаном такая аргументация не срабатывает, ведь для имиджа Пакистана крайне негативным стало выявление т. н. «сети распространения А. К. Хана». В 2002–2003 годах выяснилось, что в течение многих лет Пакистан был источником крупномасштабных контрабандных поставок различных ядерных товаров и технологий — причём, не только двойного, но и прямого военного назначения [16, с. 101].

Однако Пакистан является важным союзником США в регионе. Официальный Исламабад оказывал существенную материально-техническую поддержку и предоставлял разведывательную информацию Соединенным Штатам в Афганистане и в борьбе с терроризмом [17, с. 127].

Уровень обеспечения безопасности и контроля над ядерным арсеналом и ядерными объектами Пакистана считается высоким. США обращают особое внимание на вопросы обеспечения безопасности, надёжности пакистанской системы контроля над ядерным оружием и объектами, формирования стратегических концепций и политики Исламабада в области ядерного оружия, соблюдения норм нераспространения и др. Этот контроль сопровождается соответствующей материальной и финансовой поддержкой. Кроме того, отмечается, что Пакистан более не замечен в деятельности «чёрного рынка» ядерных материалов и технологий [16, с. 100].

Пакистанцы во время визита Дж. Буша в Исламабад пробросили идею о расширении сотрудничества в атомной энергетике, в т. ч. поставке американских реакторов, но, судя по всему, реакция Вашингтона была негативной. Однако пакистанцы не теряют надежды добиться поддержки Китая. Основания для этого у них есть — китайцы неоднократно намекали на возможность распространения «индийского прецедента» и на Пакистан [18].

В этом случае главный вопрос, задаваемый Исламабадом, — почему за американо-индийским соглашением 2006 г. не последовало аналогичного в адрес Пакистана. Здесь возможны несколько вариантов ответа:

1. США преувеличивают степень безопасности пакистанских ядерных объектов и арсенала;

2. Уровень обеспечения физической безопасности пакистанских ядерных объектов действительно высок, как и сохранность вооружений, но высока и вероятность террористической угрозы;

3. Индия выгодна США как противовес увеличивающейся мощи КНР и именно поэтому с ней подписали соглашение;

4. США готовы принять «дисциплинированных» членов в новую архитектуру режима нераспространения.

В целом изменение Руководящих принципов ГЯП грозит нарушить существующие правила торговли ядерными материалами и пошатнуть основы всего международного режима экспортного контроля. Получается, что страны, не подписавшие ДНЯО, но успешно реализовавшие военные ядерные программы, не только не останутся «изгоями» законопослушного мирового сообщества, которое придерживается данных требований, но и приобретут весомый выигрыш. Нельзя исключать резко негативной реакции государств, в своё время добровольно отказавшихся от военных ядерных программ и присоединившихся к ДНЯО (ЮАР, Бразилия, Аргентина), что может привести к пересмотру ими своей политики в этой области.

Исторический опыт показывает неэффективность принятых ранее мировым сообществом мер по ограничению развития ядерных программ Дели и Исламабада. Это побуждает искать выход из сложившейся ситуации. На наш взгляд, возможны два варианта:

1. Пакистанський арсенал изначально розвивався як відповідь на індійський. Пакистан не єдиножды виступав з пропозиціями про спільне приєднання до ДНЯО. Таким чином, якщо роззброїти Індію — то роззброїться і Пакистан. Однак вона погодиться на це тільки в тому випадку, якщо світ в цілому прийде до «ядерного нуля», оскільки не визнає монополію офіційної ядерної п'ятірки. Цей варіант дуже маловірогідний і внаслідок існування дуже складних конфліктів у світі (як, наприклад, арабсько-ізраїльський), і в силу того, що цілісність цієї ідеї піддається сумніву.

2. Індія і Пакистан в стратегічному контексті «зацікнені» одна на одну, а Індія ще і на Китай, так як обидва держави віднесені до категорії «потенційна наддержавка», що породжує боротьбу за ринки і вплив. Наразі роззброїти Індію практично неможливо, т. к. її арсенал спрямований проти динамічно розвиваються китайського і пакистанського арсеналів. Китай є єдиним з «ядерної п'ятірки», хто все ще нарощує власний потенціал [19, с. 12]. Після проведення ядерних випробувань в травні 1998 року офіційною ядерною політикою Індії було проголошено «мінімальне стримування», яке ґрунтується на впевненості, що стримування противника не потребує великої кількості і складності озброєнь [7, с. 163]. Наразі вважалося, що Індія не занепокоєна по відношенню до значно потужнішого ядерного арсеналу Китаю. Однак поступове, хоч і повільне нарощування озброєнь свідчить про інше. Так, за даними СІПРІ за 2013 рік, індійський і пакистанський ядерні потенціали збільшилися і становлять приблизно кількість в 90–110 боєголовок і 100–120 боєголовок відповідно [19, с. 12]. Хоча побоювання по відношенню до збільшення індійського арсеналу до 300–400 одиниць після підписання індійсько-американської угоди поки не підтвердились, можливо, Індія робить це поступово і намірено, з метою не викликати на себе гнівну реакцію світової спільноти в разі різкого зростання кількості боєзарядів. А збільшуватися воно буде, оскільки і Китай, і Пакистан нарощують озброєння. В цілому ні Делі, ні Ісламабад в даний момент не створюють серйозних проблем для режиму нераспространення, крім загрози «принципа доміно» — прецедента фактичного володіння ЯО. Крім того, за останні роки система показала себе достатньо стабільною. Однак офіційне визнання Індії і Пакистану ядерними державами може підірвати основи режиму і поставити питання про його існування. Виходячи з цього, на сьогоднішній день, можливо, найбільш правильне рішення — це співпраця в області мирного атома з «дисциплінованими» державами без їх включення в систему ДНЯО. В цьому випадку вони і не виправдані, і не покарані.

Враховуючи складившуся ситуацію, необхідно розробляти нову архітектуру режиму нераспространення ЯО так, щоб будь-якого роду його розширення не стало прецедентом для багатьох держав. Безумовно, всі країни не стануть автоматично витрачати величезні бюджетні кошти на розробку ядерної зброї при відсутності адекватних загроз, а

у многих просто не существует экономической возможности. Однако ЮО может появиться у богатых, но ненадежных акторов, а также в крайне нестабильных конфликтогенных регионах. Поэтому создание новой системы представляется крайне сложным и детальным процессом.

Тем не менее, в том, что трансформация режима нераспространения произойдет, скорее позже, чем раньше, сомнений мало. И именно Индия, на наш взгляд, наиболее подходит на роль пионера в ней, учитывая высокий порог применения Индией ЮО, хороший уровень безопасности индийских объектов и тенденции к сотрудничеству с МАГАТЭ.

Список использованной литературы

1. Wirshing R. G. The Kashmir Conflict//Current History. — 1996. — № 600. — P. 171-176.
2. Smith C. India's Ad Hoc Arsenal: Direction or Drift in Defence Policy. — Oxford: Oxford University Press, 1994. — 267 p.
3. Ігнат'єв П. М. Пакистан: від деколонізації Британської Індії до сьогодні — Чернівці: Книги ХХІ, 2014. — 348 с.
4. Ganguly S. Pakistan, the Other Rogue Nation//Current History. — 2004. — № 672. — P. 147-150.
5. Ganguly S. Uncertain India//Current History. — 1996. — № 600. — P. 145-150.
6. Ядерное противостояние в Южной Азии/Ред. Арбатов А. Г., Чуфрин Г. А. — Москва: Московский центр Карнеги, 2005. — 33 с.
7. Галака С. П. Проблема нерозповсюдження ядерної зброї у міжнародних відносинах. — К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2002. — 278 с.
8. Замаараева Н. А. Пакистан требует ядерные технологии от США / Институт Ближнего востока [Эл. ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=7620>
9. Perkovich G. India's Nuclear Bomb: The Impact on Global Proliferation. — London: University of California Press, 2001. — 641 p.
10. Забалуев Ю. Ф. Ядерные программы Индии и Пакистана / Институт стратегической стабильности [Эл. ресурс]. — Режим доступа: http://www.iss-atom.ru/articl_iss/nuc_prog_india_pac.pdf
11. Синовец П. А. Двудликий Янус или Теория ядерного сдерживания в ХХІ веке. — Одесса: Феникс, 2008. — 220 с.
12. Indian Nuclear Energy Program — Scientific Intelligence Report [Эл. ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pircenter.org/articles/568-indijskaya-yadernaya-energeticheskaya-programma>
13. Rashid A. Pakistan: Trouble Ahead, Trouble Behind//Current History. — 1996. — № 600. — P. 158-164.
14. Khan F. H. Eating Grass: The Making of Pakistani Bomb. — Stanford: Stanford University Press, 2012. — 520 p.
15. Перспективы присоединения Индии и Пакистана к ограничению ядерных вооружений/ Ред. Арбатов А. Г., Дворкин В. З., Ознобищев С. К.. — М.: ИМЭМО РАН, 2012. — 65 с.
16. Синовець П. А. Ядерна домовленість між США та Індією та перспективи стабільності в Південній Азії//Стратегічна панорама. — 2009. — № 2. — С. 96-102.
17. Коломоець А. С. Роль та вплив США у врегулюванні пакистано-індійського конфлікту// Тенденції розвитку сучасної системи міжнародних відносин: Збірник матеріалів Третьої Інтернет-конференції. — Маріуполь, 2013. — С. 126-128.
18. Шилин А. А. Ядерные программы Индии и Пакистана — Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Эл. ресурс]. — Режим доступа: <http://www.armscontrol.ru/course/lectures06a/aas060323.pdf>
19. SIPRI Yearbook Summary 2013 [Эл. ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sipri.org/yearbook/2013>

Статья поступила в редакцию 15.09.2014

В. В. Лозова

студентка 5 курсу відділення міжнародних відносин
Інституту соціальних наук
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова
к. 32, Французький бул., 24/26, м. Одеса, 65058, Україна
тел. +38 (0482) 63–32–59, e-mail: lozovaleriia@gmail.com

**ЯДЕРНІ ПРОГРАМИ ІНДІЇ ТА ПАКИСТАНУ: «ЕФЕКТ ДОМІНО»
ЧИ ТРАНСФОРМАЦІЯ РЕЖИМУ НЕРОЗПОВСЮДЖЕННЯ?**

Резюме

У статті аналізується необхідність у пошуку виходу з кризової ситуації, що склалася з існуванням де-факто володарів ядерної зброї поза «ядерною п'ятіркою», закріпленою ДНЯЗ в режимі нерозповсюдження. Крім того, підкреслюється доцільність вивчення мотивів, що підштовхують країни до набуття і збереження ядерного статусу з метою розробки нових ідей у сфері нерозповсюдження. За підсумками дослідження можна сказати, що між Індією і Пакистаном була створена перша регіональна система ядерного стримування. А Індія, в свою чергу, є, на наш погляд, найбільш цікавим прикладом у якості потенційного піонера нової архітектури ядерного нерозповсюдження.

Ключові слова: режим нерозповсюдження, індо-пакистанський конфлікт, Кашмір, ядерні програми, ДНЯЗ.

V. V. Lozova

5th year student of International Relations Department
Institute of Social Sciences, Odessa I. I. Mechnikov National University
r. 32, Frantsuzsky Blvd., 24/26, Odessa, 65058, Ukraine
tel.: +38 (0482) 63–32–59, e-mail: lozovaleriia@gmail.com

**NUCLEAR PROGRAMS OF INDIA AND PAKISTAN: «THE DOMINO
EFFECT» OR THE TRANSFORMATION OF NUCLEAR
NONPROLIFERATION REGIME?**

Summary

The article examines the need to find a way out of the current non-proliferation regime crisis situation with the existence of a de facto nuclear weapon powers outside the «nuclear five» declared by the NPT. The research also emphasized the desirability of examining the motives which drive the country to the acquisition and preservation of the nuclear status for the development of new ideas in the field of non-proliferation. Analysing the results we can say that the first regional system of nuclear deterrence was established between India and Pakistan. And India, in turn, is, in our opinion, the most interesting example as a potential pioneer of a new architecture of the nuclear non-proliferation.

Key words: non-proliferation regime, the Indo-Pakistani conflict, Kashmir, nuclear programs, the NPT.